

МИРОВАЯ НЕФТЕГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.А. Симония, академик РАН, руководитель Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН

За последние 35 лет на мировых рынках углеводородов произошли поистине тектонические сдвиги, повлиявшие на процесс ценообразования как в нефтяном, так и газовом секторах.

Вплоть до 1973 г. в мировой нефтегазовой промышленности всецело доминировала группа западных монополий, известных как “семь сестер” (*[British Petroleum](#), [Chevron](#), [Exxon](#), [Gulf Oil](#), [Mobil](#), [Royal Dutch Shell](#), [Texaco](#)*), а цена нефти колебалась вокруг 2 долл. за баррель. Создание ОПЕК в 1960 г. принципиально не изменило ситуацию. Лишь благодаря “нефтяному шоку” 1973 г. ОПЕК обрела “второе дыхание”, ее члены начали соревноваться в повышении цен на экспортируемое сырье. В результате проведенной ими широкомасштабной национализации месторождений возник феномен противостояния национальных нефтяных компаний (NOCs) международным нефтегазовым корпорациям (IOCs). Сегодня последние имеют полный доступ лишь к 10% мировых нефтегазовых резервов.

В таких условиях для Запада наиболее действенным механизмом возвращения себе инициативной роли в процессе ценообразования на мировом рынке нефти с середины 1980-х годов стала биржа. Нефть номинально стала считаться “обычным” товаром, хотя на самом деле никогда не была и не будет таковым. Соответственно, существенно усложнилась структура мировой нефтяной цены, она стала многослойной.

Можно выделить три основные группы факторов, которые определяют мировую цену нефти в современных условиях.

Фундаментальные: условия добычи сырья (геологические, географические, климатические, технологические и т.п.), удаленность от потребителя, неравномерность социально-экономического развития мира и связанные с этим изменения и расширение контингента стран, предъявляющих спрос на первичные энергоносители. На отдельных исторических этапах развития глобальной энергетики складывается своя фундаментальная составляющая мировой цены на нефть, определяемая всей совокупностью указанных выше обстоятельств. Она сохраняется до тех пор, пока в мировой экономике имеется более или менее устойчивое соотношение спроса и предложения на фоне общей стабильности.

Геополитические факторы имеют нерыночный характер, но существенно влияют на соотношения спроса и предложения углево-

дородов в глобальном масштабе. До настоящего времени в мире не существует какого-либо консенсуса или всеобщего компромиссного решения проблемы регулирования торговли таким стратегическим товаром, как нефть, и она широко используется в геополитических устремлениях отдельных держав. Так, стремясь установить свой контроль над нефтяными и связанными с ними финансовыми потоками в мире, США активно проводят одностороннюю политику грубого давления и откровенного вмешательства, подчас вооруженного (наглядный пример – Ирак), в дела других государств.

Спекулятивный фактор приобрел важное значение на международном рынке нефти с 1983 г., когда она стала торговаться на Нью-Йоркской товарной бирже (*New York Mercantile Exchange – NY-MEX*), а затем на Лондонской товарной бирже (*London Commodity Exchange – LCE*). Ввиду достигнутого к настоящему времени гигантского размаха биржевой торговли фьючерсными контрактами на поставку нефти спекулятивный фактор стал серьезнейшим образом влиять на конъюнктуру всего рынка. Именно это сыграло наиболее негативную роль в событиях 2008 г., спровоцировав резкий перелом в траектории движении нефтяных цен.

Следует отметить, что, помимо всего прочего, глобальный финансовый кризис обнажил и кризис фундаментальной науки в нашей стране, всю глубину разрыва между ней и практическими учреждениями и ведомствами, а также элементарную неосведомленность некоторых ответственных чиновников относительно подлинной сути происходящих событий. Думаю, что если бы в Министерстве финансов, Центральном банке и других наших ведущих экономических учреждениях было бы хотя бы по одному человеку, который постоянно отслеживал бы, что происходит на нефтяном рынке, как обстоят дела в США, какие решения принимаются Конгрессом и администрацией США и т. д., то тогда бы финансовый кризис и резкий разворот нефтяных цен не застали бы наше руководство врасплох.

Сценарий событий 2007–2008 гг. определялся взаимодействием двух процессов – глобального финансового кризиса и крайней волатильности мировых нефтяных рынков. Вкратце суть дела сводилась к следующему. В течение последних лет биржевые спекулянты – хедж-фонды, инвестиционные банки, пенсионные фонды, действовавшие на *NYMEX* и *LCE*, усиленно надували там гигантский “пузырь”. Они первыми почувствовали назревание в 2005–2007 гг. глубокого ипотечного кризиса и стали подбирать новую площадку для своей спекулятивной активности. Естественно, их выбор пал на биржевой рынок нефти. Для этого имелись благоприятные предпосылки. Во-первых, случайно или нет, но именно в 2005 г. американским

пенсионным фондам разрешили инвестировать в виртуальные нефтяные фьючерсы, а во-вторых, именно в эти годы стал набирать силу процесс перестройки мировой нефтяной промышленности, объективно повлекший за собой рост нефтяных цен. Спекулянтам оставалось только “оседлать” ситуацию, что они и сделали. Неудивительно, что цены на нефть устремились ввысь, достигнув к 15 июля 2008 г. 147 долл./барр. (см. Схему 1). Удивительно другое: за редчайшим исключением никто не заявлял тогда, что такая цена аномальна. Наоборот, большинство экспертов стало соревноваться на ниве повышательных прогнозов.

Пропагандистским прикрытием действий спекулянтов на бирже служил тезис о том, что главным фактором, определяющим движение нефтяных цен, является баланс спроса и предложения. Чаще всего говорилось о том, что предложение не поспевает за спросом из-за бурного роста потребления нефти в таких странах, как Китай и Индия. В качестве еще одного популярного аргумента использовалась ссылка на козни стран ОПЕК, периодически сокращавших добычу и экспорт сырой нефти. Но все эти аргументы на поверку не выдерживают серьезной критики.

В 2007 г. на Китай и Индию с населением, приближающимся к 2.5 млрд. человек, приходилось 12.6% всего мирового потребления нефти, тогда как на Северную Америку и ЕС (с численностью жителей менее 1 млрд. человек) – 46.5% (см. Табл. 1). Элементарное сопоставление этих цифр подсказывает, что на сегодняшний день потребление в Китае и Индии не может оказывать решающего повышательного давления на нефтяные цены. Более того, нельзя забывать, что в потреблении этих стран немалую долю по-прежнему составляет нефть собственной добычи.

Что касается ОПЕК, то уже с середины 80-х годов он начал утрачивать контроль над процессом ценообразования. Нынешний кризис особенно наглядно обнажил степень бессилия картеля. Несмотря на двухразовое урезание в конце 2008 г. членами ОПЕК экспортных квот, мировые цены на нефть продолжали снижаться, а после решения в феврале 2009 г. воздержаться от нового сокращения квот, цены подросли и к середине года вышли на уровень 60 долл./барр.

Думается, что именно подобная ситуация побуждает руководство ОПЕК в последние годы усиленно заигрывать с Россией, а также Бразилией, заманивая их в картель с надеждой тем самым усилить свое давление на США.

Экспертам еще предстоит ответить на вопрос: почему столь недолго “быки” господствовали на нефтяной площадке и так стреми-

тельно ушли с нее. Мы не поймем этого без учета еще одного, на этот раз сугубо политического фактора, а именно: обострения внутривнутриполитической борьбы в США в последний предвыборный год и той роли, которую нефтяной фактор играл в этой борьбе. Президент Дж. Буш мл., семейство которого тесно связано с американским нефтяным бизнесом, добивался от Конгресса поддержки своего указа об отмене моратория на разработку шельфовых месторождений. Демократы же утверждали, что в широком освоении новых месторождений в США нет нужды, а цена растет вследствие бесконтрольной активности биржевых спекулянтов.

Демократы привлекли к анализу проблемы независимых экспертов, которые, рассмотрев развитие ситуации в течение первой половины 2008 г., представили в Конгрессе доклад под заголовком “Спекулянты вздувают и опускают цены” (“*Speculators Drive Prices Up and Down*”). В нем наглядно показано, что в период, когда спекулянты наводняли своими нефтяными инвестициями биржу, цены взлетали вверх (как они и рассчитывали). Но когда Конгресс начал давить на Комиссию по фьючерсной торговле и разрабатывать законодательство, чтобы покончить с биржевыми спекуляциями, то спекулянты в короткий срок вывели с рынка до 40 млрд. долл., обрушив цены на нефть до 40 долл./барр. и даже ниже. Что очень важно, в докладе отмечалось, что при этом в течение первых шести месяцев 2008 г. запасы нефти по всему миру держались в основном на постоянном уровне. В них не наблюдалось никаких серьезных изменений, а спрос и предложение оставались сбалансированными и не могли сколько-нибудь серьезно повлиять на взлет и падение нефтяных цен.

Конечно, нефтяная промышленность является составной частью мировой экономики, и естественно, что общеэкономический кризис, нарастающие проблемы с ликвидностью, общее сокращение потребления не могли не сказаться на падении спроса на энергетические ресурсы. Необходимо при этом учитывать следующее психологическое обстоятельство: в результате приступа обывательской паники и биржевой игры на понижение нефтяные цены в своем падении могут пересечь нижнюю планку своей фундаментальной составляющей (что и случилось на самом деле). Но такое понижение не может быть слишком долговременным, так как в этом случае оно грозило бы глубокой эрозией всей нефтедобычи и пагубно сказалось бы на общеэкономическом развитии всех стран мира.

Что касается краткосрочных и среднесрочных перспектив развития мирового нефтегазового сектора, то следует подчеркнуть, что в обстановке разразившегося глобального кризиса широкое распространение в рядах экспертного сообщества (как зарубежного, так

и отечественного) получили чрезмерно алармистские настроения. Многие специалисты стали крайне негативно оценивать перспективы дальнейшего развития углеводородной энергетики. Предрекалось свертывание уже начатых крупных проектов по добыче и транспортировке нефти и газа.

В реальности дело обстоит не столь однозначно. В Табл. 2 приведены данные об изменениях рейтингов и капитализации ведущих нефтяных компаний Запада, Китая, Бразилии и России убедительно свидетельствуют о том, что кризис оказался своеобразным моментом истины, выявившим реальную эффективность функционирования отдельных компаний в докризисный период. Далеко не все из них выдержали испытание финансовым кризисом и резким падением нефтяных цен. Более всех пострадали национальные корпорации стран БРИК, сравнительно высокая капитализация которых до недавних пор держалась либо на обладании крупными резервами нефтегазовых ресурсов (Россия), либо на доступе к обильным государственным финансовым ресурсам (Китай), либо на том и другом одновременно (Бразилия).

Среди западных нефтегазовых корпораций, как и прежде, бесспорным лидером оказалась *ExxonMobil* (см. Табл. 3). Несмотря на финансовые трудности и некоторое снижение капитализации (самое малое по сравнению с конкурентами) 2008 год *ExxonMobil* закончила с рекордной за всю историю прибылью – 45,2 млрд. долл. На ее балансе образовалась наличность в сумме 31 млрд. долл., а руководство компании объявило в феврале 2009 г. о том, что прирост запасов оказывается больше объемов добычи уже пятнадцатый год подряд. В основе успехов корпорации, как известно, лежит ее технологическая продвинутость и инновационность. Менее известно то, что успехи деятельности во многом обусловлены и строгим следованием руководством компании основным принципам бизнеса, заложенным еще ее основателем Джоном Рокфеллером.

Некоторые другие крупные корпорации – конкуренты *ExxonMobil* по итогам 2008 г. также получили немалые прибыли, но их достижения не столь впечатляют. По имеющимся прогнозам, в ближайшее время многим из них придется прибегнуть к внешним заимствованиям для поддержки своих инвестиционных планов и выплаты дивидендов.

С точки зрения нашего анализа самое важное то, что вопреки ожиданиям многих западных и российских экспертов нефтегазовые корпорации вовсе не собираются повально отказываться от своих планируемых или принятых к реализации крупных контрактов. Исключение составляет лишь освоение маргинальных и мелких место-

рождений, реализация проектов по которым отнесена на более поздние сроки.

В целом же очевидно, что ведущие международные нефтегазовые корпорации в своих бизнес-решениях исходят не из текущей ситуации, а по крайней мере из среднесрочной перспективы. Они уверены, что нынешний коллапс нефтяных цен – явление кратковременное, поэтому уже сейчас готовятся к послекризисному общеэкономическому подъему и соответствующему росту спроса на энергетические ресурсы. Неудивительно, что руководители *Shell*, *Chevron*, *BP* и других компаний объявили о планах многомиллиардных инвестиций уже в текущем году.

В частности, согласно недавнему исследованию по рынку глубоководной добычи нефти (*The World Deepwater Market Report 2009–2013*), проведенному британской консультационной фирмой *Douglas-Westwood*, в ближайшие 5 лет на освоение глубоководных месторождений планируется израсходовать в общей сложности 162 млрд. долл., в том числе по регионам: 60 млрд. долл. – на шельфе африканского континента (в основном на западном побережье – Ангола, Нигерия, Экваториальная Гвинея); 29.3 млрд. долл. – на шельфе Северной Америки (главным образом в американском секторе Мексиканского залива); 29 млрд. долл. – на шельфе Латинской Америки (в основном в Бразилии) и 14.6 млрд. долл. – в Азии. Если эти планы будут реализованы, то предложение нефти на мировом рынке значительно увеличится, а позиции ОПЕК ослабнут еще больше.

Крайне важно понять, кто больше пострадал и кто раньше выйдет из глобального финансового кризиса. Прежде всего здесь нас интересует вопрос: как наличие нефтегазового фактора сказывается на готовности страны противостоять вызовам и потрясениям на глобальных рынках? Еще не так давно в нашем экспертном сообществе противоборствовали две основные позиции. Одни беспелляционно утверждали, что обладание богатыми нефтегазовыми ресурсами позволит нашей стране предохраниться от возможных крупных коллизий на мировых рынках и стать своего рода “островком стабильности” в бушующем океане глобальной экономики. Другие столь же категорично отстаивали идею, будто получение больших нефтяных доходов развращает страну, создает иллюзию процветания и защищенности, а в конечном счете лишь способствует ее превращению в сырьевой придаток индустриальных государств.

Обе концепции страдают односторонностью и упрощенностью. Каждая из них содержит свою толику истины, но отнюдь не всю правду. Их объединяет формальный экономико-математический подход, недостаток широкого и глубокого политэкономического

подхода, игнорирование теснейшей зависимости ситуации в нефтегазовом секторе от общей структуры экономики страны, уровня социально-политического развития общества и т.д.

Если проанализировать данные о динамике ВВП за 1990–2002 гг. и 2002–2008 гг. в отдельных странах и регионах (см. Табл. 4), а также государствах – крупнейших держателях валютных резервов в 2008 г. (см. Табл. 5), то видно, что в период повышения нефтяных цен рост ВВП был наиболее высоким в двух странах БРИК – КНР и Индии, являющихся нетто-импортерами нефти. В Китае суммарный прирост ВВП составил почти 100%, а в Индии – 70.5%. Бразилия же, которая благодаря открытию после 2006 г. целого ряда значительных нефтяных месторождений, находится в шаге от превращения в экспортера нефти, наращивает свой ВВП более медленными темпами (ниже среднемировых).

Казалось бы, что данные по России за 2002–2008 гг. подтверждают мнение о благоприятном влиянии высоких нефтяных и газовых цен на общий рост ВВП. Однако и здесь не обойтись без важных оговорок. Во-первых, в 1990–2002 гг. Россия прошла через трагический период саморазрушения и резкого сжатия экономического потенциала (падение ВВП на 33%). Поэтому стартовый показатель для последующего роста был весьма низким. Во-вторых, нефтедоллары, пролившиеся на страну в последние годы, стараниями Министерства финансов оказались по большей части “зарытыми” в различных резервных фондах. До самого последнего времени вместо инвестирования в важные инфраструктурные и другие насущные экономические проекты внутри страны эти средства направлялись на приобретение ценных бумаг Министерства финансов и крупных ипотечных корпораций США.

Вместе с тем, как можно видеть из Табл. 5, главные объемы золотовалютных резервов мира сосредоточены отнюдь не в нефтеэкспортирующих странах. Из 12 ведущих в этом отношении стран в семи либо вообще нет нефти и природного газа (Япония, Тайвань, Южная Корея и Сингапур), либо они есть, но их недостаточно, чтобы обойтись без импорта (Китай, Индия, Бразилия). Тем не менее на всю эту “семерку” приходится львиная доля резервов – более 2.5 трлн. долл.

Здесь уместно несколько подробнее остановиться на ситуации в Китае, опыт развития которого до недавних пор у нас фактически игнорировался. В китайском случае говорить о проблемах выхода из кризиса вообще неправомерно. Разумеется, глобальный кризис нанес определенный ущерб этой стране (в частности, ее южным и восточным районам, для которых характерна высокая ориентация на

экспорт). Однако в целом говорить о кризисе в стране, где в 2009 г. ожидается экономический рост не менее 8%, просто нелепо. Стоит напомнить, что руководство КНР уже с конца 80-х годов было озабочено проблемой перегрева национальной экономики и в последние годы не раз говорило о желательности именно 8%-ного роста ВВП.

Что касается другого титана мировой экономики, выступившего в роли зачинщика глобального финансового кризиса – США, то с ним дело обстоит намного сложнее. В данном случае вряд ли можно полностью принять мнение такого несомненно серьезного финансового специалиста, как М. Задорнов, который, отвечая на вопрос корреспондента “Времени новостей” в конце июля 2008 г. о сроках выхода мировой экономики из кризиса, в частности, сказал: “...войти в кризис, как и выйти из него, разные страны могут в разное время. Американцы первыми вошли, первыми и выйдут”.

Конечно, можно согласиться с тем, что США первыми выйдут из кризиса, однако суть дела состоит вовсе не в том, что они первыми в него вошли. Она в том, что Соединенные Штаты положили начало возникновению нового уклада в недрах современного капитализма, а именно: информационно-технологического (ИТ), или постиндустриального, уклада. На его базе выросла, в частности, такая биржевая структура как *NASDAQ* (Автоматизированные котировки Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам). Главное же состоит в том, что в США с помощью государства сформирована высокоэффективная национальная инновационная система (НИС) (см. Рис. 1).

Как и всякий новый уклад в формационном развитии человечества ИТ-уклад существовал поначалу как вещь в себе, то есть автономно от традиционной индустриальной экономики. Однако затем началось его постепенное проникновение в другие сектора экономики. И вот тут в дело вмешались падкие на сенсации американские СМИ, за ними последовали не очень глубокие, но бойкие публикации научной братии, и вскоре обо всей американской экономике иначе как о “новой экономике” упоминать почти перестали. В 90-е годы на виртуальной площадке *NASDAQ* стал надуваться огромный пузырь интернет-компаний, который в 2001 г. благополучно лопнул, положив начало серьезной рецессии начала 2000-х годов.

Самое важное отличие той рецессии от сегодняшней заключается в том, что тогда процесс проникновения информационных технологий в традиционные структуры американской экономики еще пребывал в начальной стадии, а бизнес-сообщество не сумело быстро адаптироваться к кризисной ситуации. Вследствие этого в начале

2000-х годов наблюдался как спад темпов экономического роста, так и снижение производительности труда (см. Схему 2).

Принципиально важная черта сегодняшней рецессии заключается в том, что в самый ее разгар (конец 2008 – начало 2009 гг.) падение производства в США на 5.5% сопровождалось ростом производительности труда на 3.2% (если не принимать во внимание аграрный сектор). Объяснение этого феномена заключается, очевидно, в том, что значительная часть американского бизнеса уже освоилась в деле использования информационных технологий, в частности взяла на вооружение весьма совершенные системы мониторинга ситуации на рынках в реальном времени. Уже при первых признаках снижения производства и потребления в начале 2007 г. фирмы стали предпринимать превентивные меры – снижение зарплат, увольнения, сокращение товарно-материальных запасов. Так американский бизнес добился роста производительности труда и сохранения своих прибылей, в значительной мере подготовившись к будущему посткризисному росту спроса.

Что касается России, то ее уже не измеришь “китайским аршином”, и ей еще очень далеко до “американского аршина”. Одна из главных общих причин того, что глобальный финансовый кризис особенно тяжело сказался на нашей стране заключается в чрезмерной зависимости от нефтегазовых экспортных доходов, а стало быть, и от колебаний цен на мировых рынках. Более же конкретная причина состоит в том, что в докризисные годы мы не смогли использовать обильные нефтедолларовые доходы на реализацию стратегии решительной реконструкции всей отечественной экономики, включая сам нефтегазовый сектор. Руководство страны сформулировало эпохальную задачу – создать в стране инновационную экономику. К сожалению, для реального продвижения по этому пути на практике сделано явно недостаточно, а слова “инновация”, “инновационное развитие” стали столь же расхожими и бессодержательными, сколь и горбачевское “ускорение” во время перестройки.

Отдельные элементы информационных технологий в стране, конечно, существуют, но они еще не сложились в полноценный уклад, а представляют собой изолированные анклавы в российской общей экономической структуре, работая чаще всего в рамках зарубежного аутсорсинга. Богатая молодыми умами Россия преимущественно оплодотворяет чужеземные экономические структуры, а окружающая нас экономическая среда пока все еще мало восприимчива к ИТ-технологиям. Это фактически недавно признал президент Д. Медведев на встрече с российскими студентами – победителями чемпионата мира по программированию *АСМ-ICPC* в Стокгольме.

Президент, в частности, посетовал на то, что российский капитал предпочитает воспроизводиться где угодно, только не в высокотехнологической промышленности, только не в ИТ-индустрии, и что проблему создания и развития инновационной экономики и ИТ-индустрии в России можно решить в первую очередь за счет малых и средних предприятий. Попытка решить проблему создания инновационной экономики и развития ИТ-индустрии за счет создания крупных компаний, считает президент, вряд ли достигнет успеха.

В этом высказывании президента Д.А. Медведева полезно выделить два аспекта. Первый – это фактическая констатация отсутствия в нашей стране национальной инновационной системы (НИС). Ошибка с госкорпорацией по нанотехнологиям заключалась в том, что была создана просто еще одна новая (но по традиционному бюрократическому шаблону) гигантская организация вместо компактного органа, составленного из профессионалов экстра-класса, исповедующих идеологию инновационного развития, и обладающего не столько большими финансовыми ресурсами, сколько способностью и широкими полномочиями выполнять ключевую функцию координирующего механизма в формировании того, что президент назвал “тканью” национальной инновационной системы.

Поскольку Россия развивается в рамках “догоняющей модели”, ей необходимо выработать свою модель НИС, которая, скорее всего, на первом этапе будет синтезированной (как в Норвегии), то есть с участием иностранного компонента и лишь последующим превалированием национальных инноваций.

Второй аспект в высказывании президента тесно связан с первым, но имеет важное значение для практической политики государства, требуя от него прежде всего политической воли. Речь идет о том, что именно малые и средние предприятия способны инициировать инновационное развитие. Об этом, в частности, свидетельствует вся история мировой нефтяной промышленности. Крупные вертикально-интегрированные корпорации не желали тратить на финансирование разработок рискованных инновационных технологий и обращали на них внимание лишь тогда, когда инновации малых и средних предприятий начинали приносить свои плоды. Вот тогда-то ведущие корпорации либо выкупали права на изобретение, либо поглощали малые предприятия со всеми их инновациями.

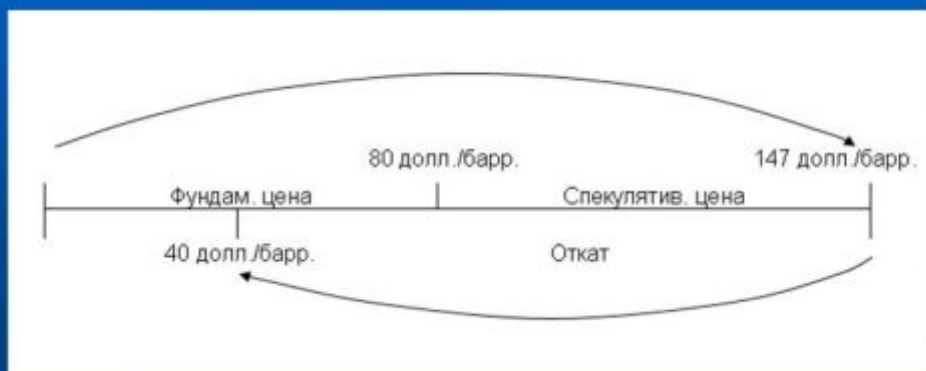
В частности, и нам следовало бы, как это сделано в Нидерландах и Норвегии, законодательно дать дышать мелким и средним компаниям, действующим в отечественной нефтегазовой отрасли. Их значение состоит не в том, что они добывают много сырья (они действительно обеспечивают не слишком большую долю общего произ-

водства). Однако за счет массированного применения инновационных технологий им удастся налаживать добычу в крайне трудных горно-геологических и климатических условиях. Неудивительно, что, например, “Новатэк”, отличается гораздо большей инновационностью, чем “ЛУКойл”.

Таким образом, для России главный вопрос состоит не в том, когда мы выйдем из кризиса (в конечно счете, конечно, выползем), а в том, что будет потом. По какому пути мы намерены идти после кризиса? Дадим ли мы убаюкать себя в очередной раз повысившимся нефтяным ценам и надолго погрязнуть в статусе сырьевого придатка индустриализирующихся и постиндустриальных стран? Либо сказку сделаем былью и подобно известному барону вытащим себя вместе с лошадьёю за волосы из вязкого болота шаткого нефтяного благополучия.

И последнее замечание. Нефть и газ не виноваты, что мы до сих пор не смогли найти более достойного применения этим щедрым дарам природы. Поэтому не стоит предавать их анафеме и пугать нас “голландской болезнью”. Гораздо полезнее было бы поинтересоваться тем, как Голландия преодолела эту болезнь или как Норвегия сумела избежать ее, как обе страны превратились в высокоразвитые и благополучные общества, а их нефтегазовый сектор стал составной частью их национальных инновационных систем.

Движение нефтяных цен в 2008 г.

**Удельный вес основных стран и регионов
в мировом потреблении нефти (2007 г.)**

Сев. Америка (НАФТА)	28,7 %	Китай	9,3 %
в т.ч. США	23,9 %	Индия	3,3 %
Европейский Союз	17,8 %	Бразилия	2,4 %
ИТОГО	46,5 %	ИТОГО	15,0 %

Подсчитано по: *BP Statistical Review of World Energy*, June 2008, p. 12.

Таблица №2

Компания	Рейтинг		Капитализация (млрд. долл.)		Изменение за 2008 г. (в %)
	2008 г.	2007 г.	2008 г.	Фев. 2009 г.	
ExxonMobil	1	2	406,1	403,1	-15
PetroChina	2	1	259,7	261,4	-65
Royal Dutch/Shell	3	4	161,1	156,2	-38
Chevron	4	10	150,3	149,9	-21
BP	5	7	143,6	135,6	-37
Total	6	8	128,7	-	-34
GdF Suez	8	22	108,1	-	-16
Petronas	9	6	96,8	-	-60
Eni	10	11	93,6	90,4	-36
Газпром	11	3	83,0	79,8	-74
Роснефть	20	15	39,7	-	-61
Лукойл	25	19	27,2	-	-63
Сургутнефтегаз	33	26	19,6	-	-56

Источники: Bloomberg; PFC Energy.

Оценка операционных доходов (млрд. долл.)
при цене нефти в

Компании	35 долл. за баррель	70 долл. за баррель
BP	- 12,9	+ 6,4
ConocoPhillips	- 5,1	+ 6,7
ExxonMobil	+ 0,5	+ 21,4
Shell	- 15,1	+ 2,2
Total	+ 5,3	+ 12,9
Eni	- 2,2	+ 4,3

По: *Financial Times*, Feb. 4, 2009.

Динамика ВВП в основных странах и регионах

	1990-2002 гг. (12 лет)	2002-2008 гг. (6 лет)
Мир	42,3	33,9
Развитые страны	37,2	17,6
ЕС-27	29,5	17,0
США	41,7	18,3
Япония	19,3	12,1
Развивающиеся страны	51,3	59,7
Бразилия	24,7	30,3
Россия	- 33,0	59,2
Индия	89,4	70,5
Китай	203,0	99,9

Источник: *IMF WED* (October 2008).

12 крупнейших обладателей валютных резервов, 2008*

Страна	Резервы в млрд. долл.	Страна	Резервы в млрд. долл.
Китай	1,244	Бразилия	123
Япония	740	Алжир	108
Россия	433	Юж. Корея	107
Тайвань	275	Ливия	90
Кувейт	175	Норвегия	82
Индия	152	Сингапур	67

Source: *BusinessWeek*, October 13, 2008, p. 026.

*Размеры резервов указаны за вычетом четырехмесячного импорта.

НИС США

